

Прыгнуть выше собаки Кулика

Идеальный город — это родной отец как чистая идея.

Весной этого года рижан радовал лебедь, плавающий у галереи *Noass*, которая пришвартована у дамбы АВ. Мало кто из проезжающих мимо знал, что лебедь имеет отношение к искусству, тем более — современному искусству, и что автор этой работы — известный литовский художник Миндаугас Новакас, а в качестве куратора выступил не менее известный латышский художник Олег Тиллберг.

Что находится в плавающем белом здании — дебаркадере напротив гостиницы *Radisson SAS*? Если вам доступен Интернет, то откройте страничку www.noass.lv, где можно прочитать о некоммерческом, современном и экспериментальном характере этого проекта. Проверить это можно, посетив любую из постоянно проходящих выставок.

По словам Дзинтарса Зилгалвиса, одного из основателей этого проекта, — идеальной была бы та ситуация, когда местные и иностранные проекты проходили бы в равном количестве. Для *Noass'a* важны выставки художников ближайших соседних стран и, конечно же, художественный процесс на месте, возможность экспериментировать и осуществлять идеи, если таковые имеются.

Интернет, литература, издательская деятельность, театр, философия — этим в большей или в меньшей мере на *Noass'e* занимаются. Кроме того, начат новый проект из области видеоискусства Латвии, который в будущем помимо видеоархива сможет предложить нам тематические просмотры на большом экране, а также семинары, лекции и многое другое.

Хотя в разговоре с *Аванпортом* Дзинтарс Зилгалвис и утверждал, что молодым художникам скандалом в искусстве продвигаться трудно, ибо часто скандал — это просто самоцель, тем не менее именно скандалом обернулась одна из выставок на *Noass'e* под названием *N.E.W.S* (куратор — Ирена Бужинска), в которой участвовали художники из стран региона Балтийского моря.

Суть работы польского художника Петра Комаринцкого — вопросы, которые художник предлагает каждому посетителю выставки задать самому себе.

Как продолжение акции, один из вопросов — “Знаешь ли ты свою национальность?” — согласно концепции необходимо было напечатать на плакатах и расклеить в разных местах Риги без каких-либо дополнительных пояснений.

Согласно существующему законодательству, содержание такого рода плакатов приходится согласовывать с различными городскими и государственными институтами. Во время согласования развилась дискуссия по вопросу, заданному на плакате. Некоторые участники этой дискуссии посчитали, что вопрос “Знаешь ли ты свою национальность?” может быть воспринят как провокация или даже оскорбление.

Noass же считает, что вопрос, заданный польским художником Комаринским в век всеобщей глобализации актуален не только в контексте Латвии, но и Европы, и — как художественный объект — он призывает к размышлению.

Свою деятельность галерея *Noass* начал, очень высоко подняв планку. Возможно, многие помнят приезд в Ригу скандально известного московского художника Олега Кулика. По мнению *Аванпорта*, в своей последующей деятельности *Noass'у* эту планку перепрыгнуть **пока ещё** не удалось.

Кулик из тех художников, чья деятельность позволяет пересматривать взаимоотношения таких понятий, как экология, жизнь, искусство. “Радикальный экологизм” в исполнении Кулика, несомненно, становится притягательным, и хотя подвергается постоянному нападению с различных этических, эстетических и прочих позиций, всё же несёт в себе нечто живое и приводящее в чувство. После Кулика не стыдно признать свою причастность к сообществу “зелёных”, что до сих пор, по крайней мере в Латвии, не очень-то и хотелось.

Именно поэтому (и в связи с *Noass'ом*) мы допустим некоторое отступление, касающееся деятельности художника Олега Кулика, известного большинству своим образом человека-собаки.

Связь и переплетение жизни и искусства, экологии и искусства — медовый пряник для *Аванпорта*, поэтому позволим себе процитировать труднодоступный в Риге московский журнал ХЖ, ибо считаем, что концептуальное изложение позиции “экологического радикала” Кулика и его опровержение можно найти именно в ХЖ.

А дебаркадер искусства *Noass* в свою очередь спровоцировал серьёзный интерес рижан к деятельности этого и других концептуалистов России.

Зачинатели проекта *Noass* Дзинтарс Зилгалвис и Олегс Тиллбергс

Фото: АП

“Почему среди всего животного мира именно собака столь значима для человеческого существа? Уже в античности философ Диоген усмотрел в бытии собаки конечную модель человеческого существования и стал жить как собака. Как известно, он не пренебрегал одеждой, жил в бочке, мастурбировал в публичных местах, т. е. делал всё возможное, чтобы продемонстрировать своё презрение к цивилизации и приверженность природе. Своим брутальным поведением Диоген провоцировал своих ближних: он исходил из того, что его поведение не вызовет реакцию, которая означала бы, что его действительно стали воспринимать как собаку.

Недавно интернациональная художественная сцена обрела новое собакообразное существо — московского художника Олега Кулика. Задачей этого текста является не столько дать художественный анализ работы этого художника, сколько теоретическое обсуждение спровоцированной Куликом проблемы: в чём коренится различие между животным и человеческим существом — метафизическое различие, которое, согласно Жаку Дерриде, есть последнее, что ещё ускользает от деконструкции?

В тексте, написанном совместно с Людмилой Бредихиной и опубликованном в каталоге европейского биеннале “Манифест-1”, художник декларирует, что главная его задача — это разрешить универсальную дилемму между человеком и животным, определить место человека в природе и т. д. Эта программа очень напоминает теорию так называемого “радикального экологизма” и её критику антропоцентризма. Кулик

выступает за новую агрикультурную революцию, которая привела бы к новому симбиозу между человеком и животным. Он призывает сократить народонаселение планеты на две трети, установив таким образом новый баланс в биосфере. Но особенно он ратует за изучение психологии животных, результатом которого стал бы диалог между человеком и животным. Из этой программы понятно, что человек должен перестать относиться к животному как к антропоморфному Другому, но как к своему *альтер эго*. Это станет возможным лишь после того, как будет поставлена под вопрос вся логика организации человеческого общества и главное — природа демократии.

Теоретическая позиция “радикального экологизма” гораздо более революционна, чем традиционные экологизм и “инвайроментализм”. В своём требовании защитить природу последние по-прежнему рассматривают человека как центр мира, настаивая на том, что природу надо охранять, поскольку она является жизненным окружением человека. В свою очередь радикальный экологизм находится в оппозиции к такому взгляду на вещи, поскольку с его точки зрения мы должны полностью отказаться от антропоцентризма во имя создания новой формы общественного устройства, основанного на подлинном симбиозе природы и человека.

У радикального экологизма много провокационных теоретических положений, но для своих аргументов я собираюсь обратиться только к двум из них: к проблеме картезианского субъекта и к проблеме права. Радикальный экологизм связывает отсутствие симбиоза

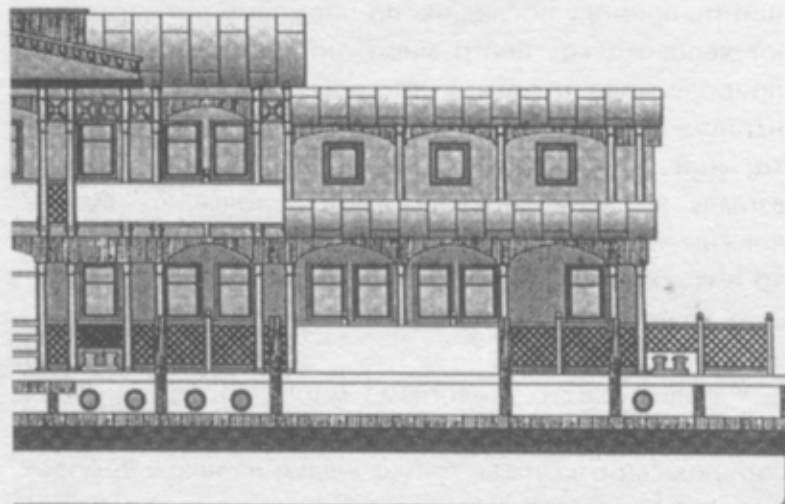

Перформанс "Два Кулика" в Риге
Фото: АП

между людьми и животными с идеей картезианского субъекта. Однако он ошибается в своём отношении к картезианскому субъекту как к предельно антропоцентрической идее. На самом деле с приходом картезианства и коперниковской революции субъект потерял как своё основание в природе, так и центральное положение во Вселенной.

На основе такого взгляда на субъект и сформировалась первая концепция права, которая хотя и готова гарантировать природе — и особенно животным — юридическую защиту, но продолжает исходить из того, что доминирующим носителем права является человек. В свою очередь радикальные экологи в своей борьбе за равенство прав людей и животных полагаются на утилитаристскую теорию и заявляют, что всякое живое существо стремится к счастью и желает избежать страданий, и поэтому с ними надо обращаться так же, как и с людьми.

Однако традиция психоанализа утверждает обратное: что люди не склонны к достижению счастья. Наоборот, они находят особое удовольствие в страдании. И вся история психоанализа сводится к выявлению механизмов, ведущих субъекта по пути саморазрушения. Настойчивость экологов, когда они говорят о стремлении избежать страдания, возможно, имеет смысл в отношении животных, о которых можно сказать, что ими движет инстинкт самосохранения. Однако с людьми наоборот: как существа говорящие, они по сути своей отличаются способностью к самоуничтожению, то есть стремлением к смерти. Именно потому, что человек уже не является более естественным существом, он потерял способность инстинктивно избегать страдания, или же, повторим за Кантом, перестав быть существом естественным, человек обрёл свободу, потому что мог сострадать другим — животным, например, — и выработал по отношению к ним чувство ответственности. Так, если сослаться на Люка Ферри, мы знаем о людях, жертвовавших своими жизнями, спасая китов... тогда как обратное гораздо ме-

нее распространено. Точно так же человек, кусающий животное, может поплатиться за свои действия, тогда как в обратном случае едва ли можно применить критерий ответственности.

Что касается призывов Кулика создать новую "общую культуру ноосферы", основанную на "нюсе" — нюхе, то можно сказать, что культура как таковая (в противоположность природе) как раз и возникла тогда, когда человек перестал полагаться на нюх. Как указывает Жак Лакан, то, что мешает собаке подняться до уровня человека, так это её тончайшее чутьё. Именно через нюх собака устанавливает контакт с предметами, в то время как люди утратили эту способность. Согласно Фрейду, решающим моментом в истории человека был тот, когда он, встав на ноги, стал ориентироваться в реальности не с помощью носа, а в основном с помощью глаз. С этого момента он обрёл способность ощущать зловоние экскрементов и испытывать к ним отвращение.

...Жак Лакан указывает, что объект павловского опыта — не собака, а Павлов. Собаку интересует не свист, а только мясо. В равной мере эксперимент не ставит целью что-то изменить: исправить или улучшить положение собаки. Как таковой он интересен только самому экспериментатору — Павлову. Можно сказать, что эксперимент доказывает лишь существование Павлова и ничьё другое, или, как говорит Лакан, "не существует другого объекта эксперимента, кроме экспериментатора". Что это значит? Свист имеет значение только для Павлова. Одним символическим означаемым является субъект науки (Павлов), а другим — выделение слюны. Подопытным объектом оказывается сам Павлов: он сам берёт на себя и осуществление опыта, и сам же испытывает удовольствие от полученных сведений.

Парадокс в том, что Кулик делает вид, что он собака Павлова, в то время как на самом деле он играет роль Павлова. Он хочет быть собакой, но оказывается Павловым, поскольку сам же есть объект эксперимента. Здесь Кулик — учёный, которому не нужна больше собака для подтверждения своих теорий. Результат гораздо эффективнее, когда учёный сам становится собакой. Кулик доказывает мысль Лакана, что собаке нет дела до опыта Павлова — так зачем же тогда использовать настоящую собаку! Беда в том, что Кулик старается выглядеть и вести себя по-собачьи, не понимая, что только люди могут получать удовольствие от этой игры — другие собаки не побегут на его представление.

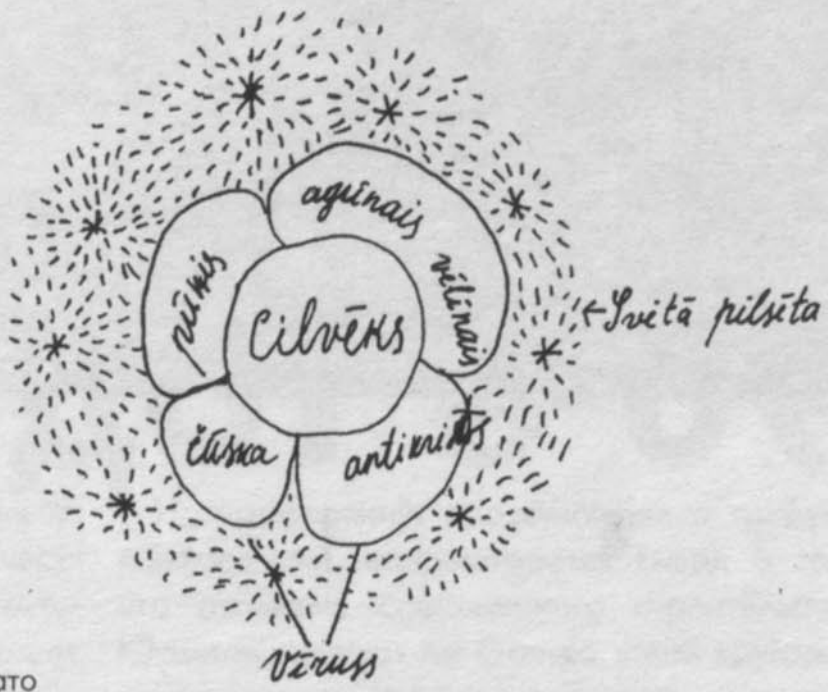
Факт, что у пантеры нет недостатка, связанного с языком, определяет её самодостаточность, делает её в одно и то же время привлекательной и пугающей.

Кулик, играя в собаку, также стремится к этой животной цельности и самодостаточности. Можно сказать, что Кулик старается реализовать во плоти желания радикальных экологов возвратиться к слиянию с природой. Он стремится обнаружить в своём собакообразном теле утраченный объект желания для того, чтобы достичь цельности, которой недостаёт человеку. Однако Кулик не в состоянии избавиться от бремени быть человеческим субъектом. Со всей очевидностью это проявляется в том, что он нуждается в аудитории, в галерейном пространстве — в большом Другом. И Кулик, и его предшественник Диоген находят удовольствие в своём собачьем амплуа только тогда, когда за ними наблюдает Другой. Таким образом, человеку труднее выучиться собачьей самодостаточности, чем собаке выучить человеческий язык.

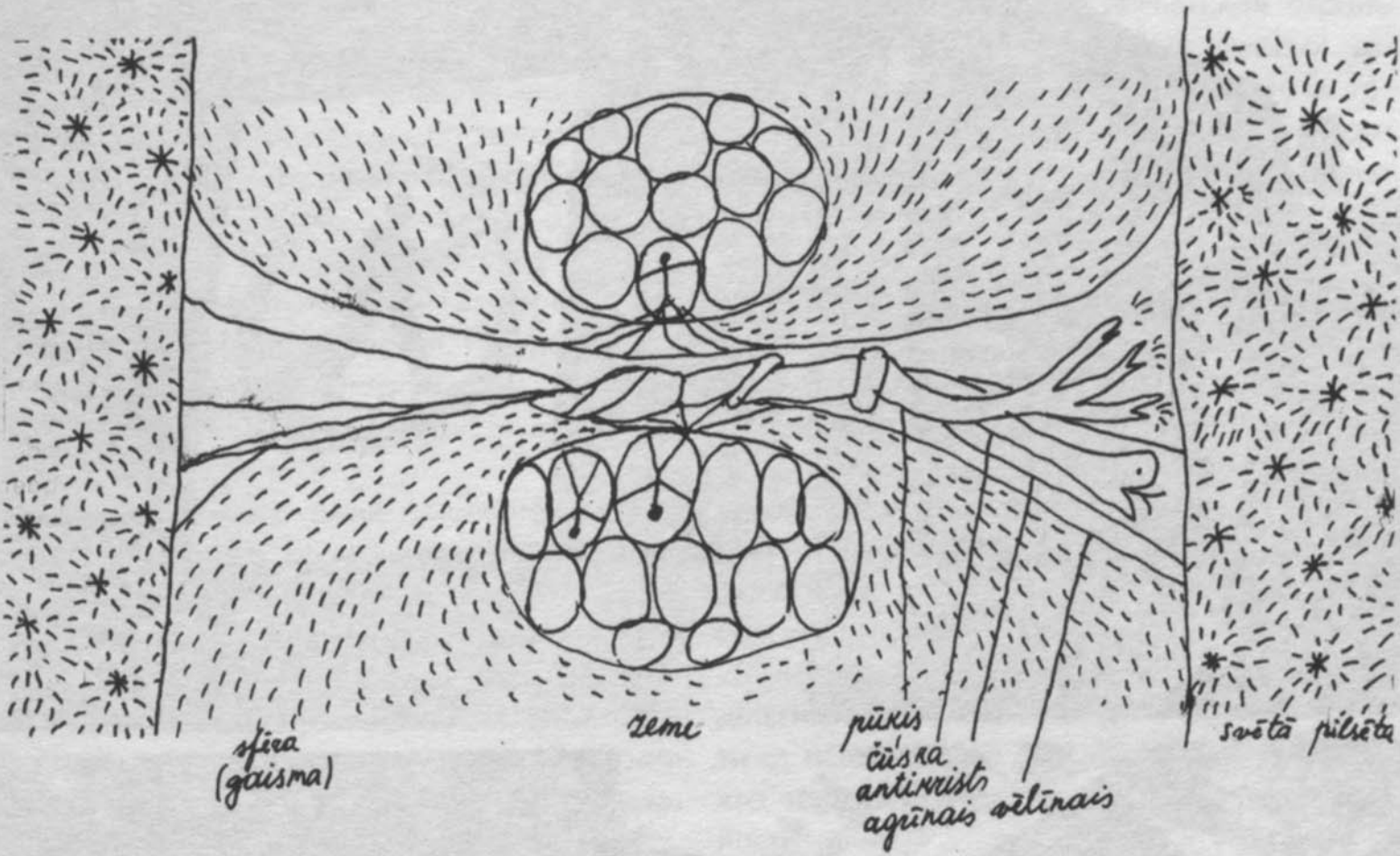
ХЖ № 14. Из статьи Ренаты Салекл "Любишь меня — люби мою собаку".

Рената Салекл — философ и теоретик, молодой представитель теоретической школы Славоя Жижека в Любляне. Сотрудничает с институтом криминологии юридического факультета Люблянского университета (Словения), преподаёт в новой школе социальных исследований в Нью-Йорке (США). Автор целого ряда книг. Живёт в Любляне.

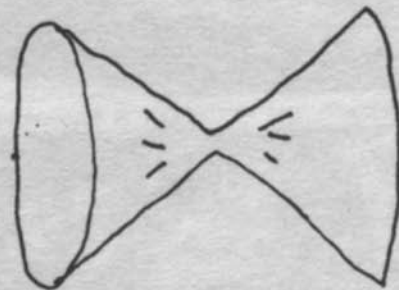
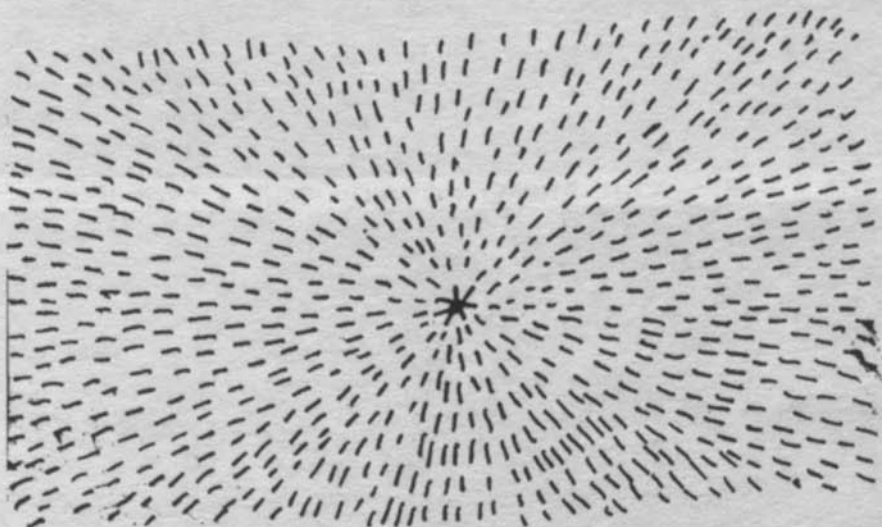
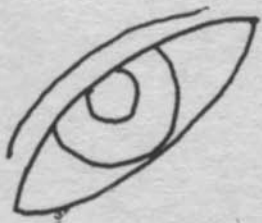
Айя Зариня

В начале 2000 года в галерее Noass было начато осуществление проекта Айи Зарини "Гид 2000" — концепция идеального города.

Mūs vairo dāmas radības

Princesīte

Lilais sprādziens